

Синицын Игорь Васильевич

Роман, каких тысяча

18+

Игорь Васильевич Сеницын

Роман, каких тысячи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43207708

SelfPub; 2019

Аннотация

«Петь самбу без грусти, все равно что любить женщину, в которой ничего нет, кроме красоты». Это сказал Венисиус де Мораес, бразильский поэт и дипломат. Поэт и дипломат... Прекрасная двойственность ...Наверное, во многих из нас живет некая склонность к дуализму в самых разнообразных проявлениях. Это касается и любви и, может быть, прежде всего любви. Но и платить за вторую жизнь, как и за двойное счастье, приходится вдвойне.

Странное здесь было море... степное. Неширокая полоса светлого песчаного пляжа тянулась вдоль приземистых зданий ведомственных пансионатов, построенных неряшливо и кустарно, на скорую и бедную руку. Позади построек редко и голо возвышались, пирамидальные тополя. Открытые со всех сторон солнцу и ветрам, с тусклой, выгоревшей зеленью постоянно трепещущей листвы, деревья казались изможденными, как если бы росли вдоль пыльного шляха. Было утро, и верхушки тополей заученно покачивались от несильного бриза.

Павильоны пляжного инвентаря с правилами спасения утопающих и сваленными в кучу прогулочными катамаранами не занимали много места, но подчеркивали утилитарность забранного у природы отрезка берега. Не будь летних отпусков, кто бы обратил внимание на труднодоступный, без водопровода и канализации, участок степи, вышедший к морю на полпути между Одессой и Николаевым, и море, начисто лишённое здесь привычной курортной роскоши, с первого взгляда показалось скучным и второсортным. Тогда – в восемьдесят пятом году – он еще не видел и не мог видеть пляжей Costa Bravo или Lido di Jesolo, все свои отпуска, как большинство советских людей, проводил на черноморском побережье Кавказа, но даже в сравнении с сочинскими пляж в Коблево казался убожеством. Ни пальм, ни кипарисов, ни магнолий... ни насыщенного запахом тропиков зноя.

Стесняясь белокожего тела новичка, он поспешил опуститься на принесенный дощатый лежак и, лежа на животе головой к морю, уткнул подбородок в скрещенные перед собой руки, так что глаза оказались на одном уровне с водой. В первый день у моря ему, как правило, везло с погодой; потом могли зарядить дожди чуть ли ни на весь отпуск, неделями могло штормить, но именно в день приезда, словно по заказу, погода всегда была хорошей. Как и сейчас – штиль.

Он не торопился идти в воду, предпочитая после бессонной ночи немного отдохнуть и распластавшись на лежаке, оттягивал предстоящее удовольствие от купания, теперь оно уж точно никуда от него не уйдет. Но скоро ленивое созерцание водной глади сменилось подзабытым после долгой разлуки волнующим притяжением моря. Море здесь геометрически воспринималось, как продолжение степи, и в то же время было чуждо ей, как иная, высшая стихия, не зависящая от конкретности берега.

Прямо перед ним, метрах в двухстах, из воды торчали параллельные ряды парных вех, установленных, наверное, рыбаками, там сейчас режущие, вразной горланили чайки, охотясь. Казалось, терпкий запах моря идет именно оттуда. Вдали, как мираж, возник медленно скользящий, почти неподвижный белый силуэт пассажирского лайнера, казавшийся преувеличенно большим из-за своего удаленного одиночества на фоне пустого горизонта.

Ему все больше нравилось это неброское море. Далеко по

обе стороны, где заканчивался пляж, в море вдавались почти одинаковые по протяженности, платообразные мысы, и он еще не ориентировался за каким из них должна была быть Одесса, справа или слева от него. Сегодня ночью, когда они ехали в автобусе, он тоже не мог понять с какой стороны море, с какой степь.

...Поезд пришел в Одессу по расписанию – в четыре часа ночи. Перед самым прибытием они разбудили Дашу, та поднялась сразу, бодро, не капризная, быстро оделась, с любопытством ожидая продолжения путешествия. Даша впервые ехала на поезде дальнего следования, для пятилетнего ребенка это событие, запоминающееся на всю жизнь, до этого представление о железной дороге складывалось у нее из рассказов Житкова – ей как-то читали на ночь, и она запомнила, и сейчас с восторгом воспринимала и обшарпанный спальный вагон, и купе, оббитое тошнотворным, синим пластиком с аляповатым тиснением, и угрюмо-властную проводницу. Сам он всегда предпочитал поезд авиаперелетам, за возможность увидеть страну из окна. Желание созерцать вполне соответствовало его характеру – довольствоваться поверхностным знанием, первым мимолетным впечатлением, и углубление в предмет обычно уже не приносило большей радости. Он видел сосновую рощу под Житомиром и на всю жизнь запомнил высоченные, голые до крон, желтые стволы сосен под закатным солнцем, песчаный обрыв... но

гулять там он не хочет. Умильно чистый, безлюдный перрон в Жмеринке с витыми конструкциями железных фонарей и висящими на цепях вазами с живыми цветами, поразил своей необычной, европейской красотой – что большего дала бы ему беготня по городу? Но, когда дело касалось работы, а он был практический врач, занимавшийся и наукой, черта эта исчезала, превращаясь в свою противоположность, хотя это и требовало некоторого насилия над собой, над своей природной склонностью.

Они сошли на перрон, пахнувший на них теплым, нагретым за прошедший день воздухом. Над темным куполом вокзала горела неоновая надпись – «Одесса». Откуда-то доносился ровный, очень тихий шум, шелест, шорох, создаваемый не ночной жизнью города, а чем-то ему не принадлежащим. «Может, так дышит ночное море» – предположил он.

Теперь предстояло добираться до автовокзала. Городской транспорт в ранний час еще не работал, и они направились к пустующей стоянке маршрутного такси на привокзальной площади и стали дожидаться. Раньше подкатил частник на минивэне, и они доверились ему. Безлюдные ночные улицы Одессы показались обворожительными, но что он мог разглядеть в темноте?

На ярко освещенной площадке автовокзала стоял под парами красный «Икарус», шедший на Николаев. Шофер заканчивал грузить багаж пассажиров в отсек у заднего колеса, и на вопрос – нет ли свободных мест до Коблева, отри-

цательно мотнул головой. Другой член экипажа, запихнув в багажник последний чемодан, высокий и грузный мужчина с греческой внешностью, распрямился и, отерев пот с загорелого лба, немного пыхтя, негромко и скороговоркой объяснил, что мест конечно нет, но сзади есть диван, с ребенком там будет удобно, и это лучше, чем два часа ждать следующего. Сказав это, он оценивающе взглянул на них темными оливковыми глазами, стараясь не проявлять своей личной заинтересованности в положительном решении. Жена колебалась – ее укачивало в автобусах, а предстояло трястись на задних местах.

– Да что тут ехать – сорок километров. – оторопело выговорил мужчина, не понимая какие могут быть сомнения. Одет он был не по возрасту просто – мятые, холщовые штаны на резинке, сандалии, распятая на пузе серая рубаша, застегнутая лишь на пару пуговиц.

Переступая через сумки в проходе переполненного спящего салона, они добрались до «дивана», на деле оказавшимся низкой деревянной лавкой из одной доски, заваленной поклажей со всего автобуса, где уже сидела молодая, болезненного вида, усталая цыганка с кучей чумазых, усеянных семячной шелухой, ребятишек. Лена кое-как устроилась рядом, усадив на колени Дашу, чья шляпка из итальянской соломки, привезенная дедом из заграничной командировки, выглядела довольно вызывающе на фоне выцветших платков нищей цыганской детворы; контраст этот заставлял усо-

мниться в достижениях социальной революции, свершившейся семьдесят лет назад, хотя то, что дети сидели вместе на одной лавке, доказывало обратное. Для него самого свободного места не нашлось, пришлось стоять. Их благодетель – похоже он был здесь кем-то вроде кондуктора или «стивидора», настоящий же шофер уже сидел за рулем, бросая недовольные, нервные взгляды на своего помощника, – приблизился к ним и, теребя в руках какие-то накладные, взыскал плату за проезд, выдав билеты, скорее всего липовые. Лицо его выражало полную удовлетворенность и гордость, что все так хорошо устроилось, как он и обещал. Вскоре после того, как автобус тронулся, «стивидор» обнаружил свободное кресло впереди, и предложил Лене перейти туда вместе с Дашей, а его усадил на откидное место рядом с передней дверью. Нервически настроенный шофер подозвал «стивидора» к себе и стал что-то выговаривать ему, припоминая его прежние провинности. «Стивидор» сопел и прикидывался, что не понимает о чем идет речь. Обиженный несправедливыми замечаниями, вернулся на свое место.

Шофер выключил освещение салона и поехал побыстрее, перейдя на дальний свет фар. Они выехали из города. По обе стороны от шоссе возвышалась степь, огромная, мрачная и невидимая. Разглядеть можно было только то, что освещалось фарами – постоянно сменяющееся и все равно постоянно одинаковое полотно дороги, как будто они ехали в балке, прямой, бесконечной и асфальтированной. «Интересно,

с какой стороны море, – думал он – и как далеко оно сейчас от них? На Кавказе, по дороге из аэропорта Адлера, всегда видишь море, как оно вдруг почти целиком показывается с высоты горного серпантина, слева от обрыва, все в прибрежных огнях отелей, ресторанов и танцплощадок... Может, лучше было рискнуть и отправиться дикарями в Сочи? Все-таки меньше авантюра, чем на птичьих правах переться в какое-то Коблево, которого и на карте не сразу найдешь».

Автобус притормозил, чтоб взять голосовавшего на обочине молодого человека, попросившего подвезти до Коминтерна. Парень встал рядом с кабиной водителя, и на первый взгляд могло показаться, что тот приходится ему родственником или приятелем. «Стивидор» к появлению нового пассажира отнесся равнодушно и не стал требовать с него платы.

– Я уж думал – все, опоздаю, – сказал парень, обращаясь к шоферу. – Проспал.

Шофер понимающе кивнул. Занятый дорогой он не мог в полной мере поддерживать разговор.

– Куда опоздаешь-то?

– К себе на стройку, в Коминтерн.

Ночь есть ночь, и если ты бодрствуешь в ночном автобусе, то любой эпизод для тебя событие, развлечение. Днем разве обратишь внимание на такой пустяковый разговор. Он обернулся и увидел, что Даша заснула, шляпка съехала на спину, повиснув на резинке. Белокурые, выющиеся волосы рас-

сыпались по Лениной руке. Встретившись взглядом с женой, он увидел, как ей хорошо оттого, что у нее на руках спит их дочь.

– Душно сегодня было. – пожаловался парень шоферу, глядя вперед на дорогу.

– Дожди обещают.

Какое-то время они проехали в молчании. Вдруг шофер, видимо, что-то сообразив или припомнив, удивленно взглянул на парня.

– Слушай, мы же не едем на Коминтерна!

Парень воспринял известие безучастно.

– Ну, тогда до поворота...

Через полчаса стало светать. Автобус подкатил к станции «Лиманы» – нужная им остановка. «Стивидор» указал на рассеянные по правую руку, дальние огоньки, объяснив, что пансионаты находятся там и теперь им следует просто дожждаться попутки. Утренний, еще прохладный воздух не давал расслабиться, побуждая к энергичным действиям, но усталость и бессонница брали свое и все свелось к пассивному ожиданию удачи. Дашу отвели на станцию переодеться во что-нибудь теплое. Шофер решил воспользоваться стоянкой и, постелив под себя резиновый коврик, принялся копать в подвеске, попросив помощника принести нужный ключ. «Стивидор» старательно кинулся исполнять поручение, но принес не тот номер.

– Жора... вот ты, как хочешь – обижайся, не обижайся, но

я с тобой в рейс больше не пойду, – изловчившись, шофер закрутил гайку и выговорил накипевшее, не щадя самолюбия зрелого мужчины в полном соку, который никак не понимал, почему надо злиться, когда вокруг все так хорошо. – Меня все ребята спрашивают, как ты с ним работаешь?

Первые, тусклые отблески восходящего солнца позволили разглядеть шоссейную дорогу, по которой они приехали – она пролегла по перешейку между двумя лиманами – огромными плоскими водоемами со стоячей, практически болотной водой. Близости моря не ощущалось совершенно. Он испугался, что пансионаты, которые им рекомендовали, на самом деле находятся не на море, а на берегу лимана, причем меньшего из двух. Стоило тащиться сюда за тысячу верст, чтоб любоваться унылым водохранилищем с заросшими травой берегами.

Но, когда они на попутке, наконец, добрались до места и последние триста метров шли через низкорослый, недавно посаженный сосновый лесок, он почувствовал, что море совсем рядом.

2

Их поселили в главном корпусе пансионата «Ракета», в двухэтажном здании из белого кирпича, с бесхитростной мозаикой на фасаде, изображавшей гигантских морских звезд,

медуз и аквалангиста с насаженной на гарпун рыбой. Пансионат принадлежал какому-то николаевскому заводу, они же попали сюда по сложной цепочке знакомств, выдав себя за родственников сестры-хозяйки пансионата, которую они и в глаза не видели раньше. Сезон все равно кончался, нового заезда не ожидалось, деньги за путевки были заплачены (а кому именно это уже не их дело), так что угрызений совести, что они занимают чужое место, они не испытывали.

Здание пансионата стояло торцом к морю, до которого было не больше сотни шагов, а из лоджии их номера открывался вид на строительную площадку, где возводилась здравница для работников треста пищевой промышленности. Вдоль изгороди был разбит газон и росло несколько молодых тополей.

Впечатления первых дней были разочаровывающими – воду в номер приходилось носить ведрами, бриться в общей умывальной, мусор и помои таскать в цистерну где-то на задворках, питаться в столовой другого пансионата, что напротив, и кругом самообслуживание, самообслуживание, самообслуживание... Черт их занес сюда!

– Ты так сердишься, словно я нарочно тебя сюда затащила. Я ведь тоже не знала, что здесь и как...

Да, он злился и отлично знал почему. Убогая местная действительность была совершенно не при чем, ее можно было бы и вовсе не замечать, тем более, что рядом все-таки про-

стиралось море.

Он много плавал и хотел научить Дашу плавать, но та поднимала отчаянный визг как только он пытался отнести ее поглубже в море, где ей было бы хотя бы по пояс. Не помогали ни уговоры, ни положительные примеры других малолетних карапузов, бесстрашно барахтающихся в волнах, ни насмешки над ее робостью. Силой тоже ничего не добился – один раз подхватил ее на руки и понес в воду, не обращая внимания на ее вопли : «Па-а-па, не надо!! Не надо!», а он, пересиливая свою жалость к детскому тельцу, бьющемуся в его руках, нес ее все дальше в море, с каждым шагом разuverиваясь в своей правоте, и когда уже опустил ее в воду, она, истошно крича, все равно пыталась найти спасения у своего мучителя, вцепившись в его руки, с мольбой глядя на него, и он поспешил отнести ее назад. На берегу она постепенно успокоилась и, присев на корточки у воды в полосатом махровом халатике, смотрела на море и грозила волнам пальцем: « У, волнишки!». Наверное, волны были для нее живыми существами. Чтоб помириться, он затеял игру в ракушки – маленькие, бледно-розовые были караваном верблюдов, покрупнее и темнее – погонщиками и контрабандистами, черные мидии – таможенниками. Караван, перевозивший наркотики, никак не мог проскользнуть незамеченным мимо таможенных постов и в наказание всех зарывали в горячий песок. Если они клялись, что бросят свое грязное ре-

месло, их откапывали и отдавали на перевоспитание Великому Муравью, спрятанному в спичечном коробке.

– Даша, тебе нравится море?

– Очень.

– Но нам придется уехать отсюда, если ты и дальше собираешься привередничать в столовой. Мы не можем смотреть, как родная дочь умирает с голоду.

– А, если там не вкусно готовят.

– Неправда, готовят очень хорошо. Ты же видишь – здесь нет магазинов, чтоб самим готовить. Пожалей отца, он вынужден всякий раз из-за тебя поедать двойную порцию.

В пансионате «Ивушка» кормили, действительно, сносно. Над входом в столовую висел транспорант : «Любите свою базу видпочинку. Дбайте ее красу!». За каждым был закреплен свой столик, а сервировкой занимались сами отдыхающие по очереди. Когда жизнь подчинена режиму, будь то санаторий или больница, или армия, посещение столовой это всегда еще и некое гарантированное развлечение. Голоден ты или нет, но все равно ожидаешь приема пищи, боишься пропустить. Наверное потому, что когда человек несвободен, он чаще бывает голоден, чем сыт. После обеда возвращались к себе в номер, распахивали настежь балконную дверь и ложились каждый на свою койку. Солнце сильно нагревало номер, но выходить из него не хотелось, да и особо некуда было выходить. Даша ни за что не хотела спать, требовала внимания к себе, и они читали ей вслух, меняясь, а другой

за это время мог подремать. Так проходил час или два, потом Лена вставала, поднимала Дашу, и втроем они отправлялись за фруктами на «багажный» рынок. Во второй половине дня на обочине ухабистой грунтовой дороги, соединяющей пансионатный муравейник с остальным миром, у автобусной остановки неподалеку от «Ивушки», скапливались, выстраивающиеся в длинный ряд, пропыленные «Жигули» с николаевскими номерами, и загорелые, развязные парни, скучающие возле открытых багажников, забитых дынями, арбузами, грушами и виноградом за пару часов сбывали свой товар. Монопольная торговля не нуждалась ни в заискивающих улыбках продавцов, ни в рекламе. Цены, конечно, были дикими, но относительная дешевизна всего прочего существования позволяла не обращать на них внимания. Иногда на этом же месте появлялась государственная бочка с пивом, и у человека, сидящего за краном, можно было купить водку в разлив – в открытую, семь рублей стакан. Чем торговали в пляжных барах, он не знал – выпивка здесь его не интересовала, совершенно не тянуло. Потом опять шли на пляж до ужина, а после ужина снова на море – просто посидеть на берегу. Лена была счастлива, что они все вместе, что Дашу удалось вывезти на юг, а для я него в этом году отпуск все равно был пропащим – через десять дней надо было возвращаться в Ленинград, собирать отзывы у оппонентов, рассылать автореферат... до защиты оставалось полтора месяца. Была еще одна причина, из-за которой отпуск не мог быть

ему в радость, о которой он думал постоянно, когда оставался один хоть на полчаса. В сущности он уже давно не ждал от жизни никаких перемен и не хотел их, но так случилось...

3

Это у Булгакова : «Любовь выскочила перед нами, как выскакивает убийца в переулке и сразу поразила нас обоих. Так поражает молния, так поражает финский нож!» ... Нет, у них было не так. И хорошо, что не так – в постепенном прозрении есть своя прелесть, великие романы не пишутся за один день.

Два года они были знакомы, просто знали о существовании друг друга. Закончив интернатуру, Н. осталась работать у них в больнице хирургом приемного покоя. Это совпало с его уходом в аспирантуру. Он заведовал хирургическим отделением, и зав.кафедрой хирургии института усовершенствования врачей, чьей клинической базой много лет была больница, уговорил его на очную аспирантуру с перспективой работы на кафедре. На стипендию аспиранта жить было невозможно, пришлось совмещать – взять дежурства в приемном почти на ставку. Постепенно сформировалась его постоянная дежурная бригада, своего рода бригадный подряд – он, Н. и ее подруга, с которой вместе учились в институте. Обе не замужем, правда у Татьяны Ридовны был брак в анамнезе, как грешок без последствий, вроде детской

инфекции, которой все обязаны переболеть. О бывшем муже, своем однокурснике, она вспоминала чаще всего с сарказмом и больше не собиралась повторять ошибок юности. Она славная, Ридовна – узбекская по отцу кровь сразу бросалась в глаза – черноглазая, черные волосы острижены до плеч в каре, симпатичные, но несколько грубоватые черты лица, больше напоминали внешность эскимоски. Воспитана в самом современном духе – английская школа, спорт... и в то же время самые глубокие познания в домашней кулинарии и рукоделии, не хуже, чем у прабабок. Ее отличала кипучая энергия, направленная прежде всего на собственное совершенство, в том числе и профессиональное, но, как это часто бывает, постоянное стремление продемонстрировать свои энциклопедические знания вызывало у собеседников не восхищение, но в лучшем случае доброжелательную снисходительность. А Н. привлекала другим – острым умом, наполненным веселостью, тонкой иронией... она была, как нескладный маленький Вольтер в женском обличье, с которым все неосознанно жаждут общения и не понимают, почему становится скучно, когда он уходит, не догадываясь связать причину и следствие в одно. К себе она тоже относилась в высшей степени иронично, такие черты часто встречаются у изгоев, а она и была изгоем из женского клана, где самый распространенный девиз – счастье любой ценой.

Эпизод, который остался в памяти, просто застрял, не

претендуя ни на что большее... Они вдвоем шли из приемного в хирургический корпус смотреть поступивших больных. Н. быстро шагала рядом с ним по правую руку и что-то возбужденно докладывала о пациенте, которого госпитализировала с неясным диагнозом. Курчавая голова Н. едва доставала ему до плеча и ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Когда стали подниматься по широкой мраморной лестнице на второй этаж, где была операционная, она вдруг споткнулась и упала, грохнувшись всем телом о ступеньки. Не успел он опомниться, и помочь ей встать, как она с неожиданной ловкостью, мгновенно, как ванька-встанька, вскочила на ноги, и словно ничего особенного не произошло продолжила в том же темпе подниматься рядом с ним по лестнице, еще оживленнее продолжая разговор. Это было, как комический трюк в немом кино, как в фильмах Чаплина. Никаких дамских оханий, гримас боли, растираний ушибленного места... все было обращено в насмешку над собственной несуразностью.

Он помнил и их первую совместную операцию – ассистировал Н. на ампутации. Конечно, она волновалась – ее первая самостоятельная операция, и она не хотела ударить перед ним в грязь лицом. Она все делала правильно и очень точно выкроила кожно-мышечные лоскуты, но, как назло, получила кровотечение из бедренной артерии, обычно тромбированной при атеросклеротической гангрене, но, как оказалось, не в данном случае. Она не успела увернуться и кровь

из артерии забрызгала ей маску и лоб. Засуетилась, сразу пережать сосуд зажимом не удавалось, и ему пришлось вмешаться. Ничего страшного, типичная ситуация. После операции, сняв с себя окровавленную маску, она с извиняющейся улыбкой на раскрасневшемся лице сказала, что такое могло произойти только с ней и ничего другого ожидать было нельзя.

Себе, как профессионалу, она всегда давала заниженную оценку. И напрасно – он считал ее неплохим хирургом и хорошо думающим врачом, что встречается вовсе не часто.

Да... бригадный подряд – это вещь. Он катался, как сыр в масле. Его обихаживали, как «кота», нарочито утрировано, гротескно. Проблема питания на дежурствах перестала существовать. Его «козочки» таскали из дома пухлые целофановые пакеты, набитые кулинарными изысками и продовольственными дефицитами. Мама у Н. преподавала русский язык и литературу в школе рабочей молодежи, а, выйдя на пенсию, работала в гардеробе Мариинского театра и имела возможность пользоваться театральным буфетом, откуда приносила домой очень вкусные сосиски. Естественно, что эти сосиски часто оказывались на столе их дежурной бригады. Распивая чай, они в шутку прикидывали, как следует изменить облик крохотной кухоньки для персонала в приемном покое – на стенах будут развешены разделочные доски, ножи разных калибров, полочки, уставленные горшочками и жестяными коробочками для круп и специй; на плитах попы-

хивают кастрюли, шипят раскаленные сковородки... а сами они в клубах кухонного пара, раскрасневшиеся и хорошенькие, в передниках снуют от плиты к плите с поварешками в руках, наспех пробуя, помешивая, соля, регулируя огонь... К нему они обращались «хозяин», в шутку, по аналогии с Вилли Старком. У Ридовны это особенно хорошо получалось, когда она принималась канючить: «Хозяин, вы же знаете, как я к вам отношусь... И все наши ребята... Мы вас так любим, хозяин... Дайте холецистит прооперировать». В общем, послушать со стороны, так всю компанию надо незамедлительно отправлять в дурдом.

Тем не менее их хирургическая бригада была лучшей, их ставили другим в пример – никогда никаких конфликтов, жалоб, все сделано вовремя и как положено. Администрация подозревала, что в данной бригаде на должной высоте находится идейно-воспитательная работа, высокая требовательность к себе и дисциплина. Конечно... Два наряда вне очереди за малейшую провинность! Под нарядом подразумевалось заучивание наизусть стихов Лорки. Впрочем, на это была способна только Ридовна, проштрафившись, она честно декламировала на следующем дежурстве «Сомнамбулический романс» или «Неверную жену», а он еще требовал, чтоб обязательно в переводе и Савича, и Гелескула. «Люблю тебя в зелень одетой...» или «Любовь моя, цвет зеленый...».

Лене они тоже нравились. Наверное, они напоминали ей себя в ту пору, когда после института начинала работать хи-

ругром в Кольской ЦРБ под Мурманском – такие же молодые, такие же неопытные и преданные делу. В ноябре Лена даже позвала их в гости, на день рождения Даши, которой исполнялось четыре года. Н. тогда подарила Даше книжку о Робин Гуде... Скорее всего из собственной библиотеки. А еще запомнилось, как она молола кофе на кухне. У Лены была, купленная еще на севере, оригинальная кофемолка в виде массивного латунного цилиндра, очень мелко молола, но отличалась чересчур тугим ходом ручки, даже он уставал когда крутил. Н. уселась на табуретке : «Сейчас я покажу, как это делают кавказские женщины», сильно расставила ноги, так что юбка длинного платья провисла меж колен до пола, уперла дно кофемолки в бедро и с бычьим упорством, низко нагнув голову, обстоятельно принялась за дело.

Иногда они после дежурства заезжали к Н. домой, она единственная из них жила неподалеку от больницы – на Кораблестроительной улице, в четырехкомнатной квартире вместе с родителями и старшей сестрой. Так как дело происходило в утренние часы, то никого из домочадцев в это время уже не было дома – все работали. А они запасались в соседнем универсаме бутылкой «Чинзано», и потом распивали ее на кухне, снимая накопленную за сутки усталость и обсуждая прошедшее дежурство. Бутылки, как правило не хватало, и тогда посылали Ридовну, как самую молодую, за второй. Ридовне двадцать шесть, на год моложе Н. Открытая, наивная душа и азартно самоуверенный ум мешали Ри-

довне разглядеть то, что уже зарождалось в мешанине их игр и дела. Ридовна искренне полагала, что он тайно влюблен именно в нее.

Может, все началось с того «неввозного» дежурства в среду, когда они с Н. дежурили вдвоем. По средам больница не работала по скорой, больные не поступали, а оставленные под наблюдение на отделениях в тот день в операциях не нуждались, и уже в первом часу ночи они могли с чистой совестью отправиться в комнату отдыха, спать. Они легли в койки, намереваясь еще почитать перед сном, но так и не притронулись к своим книгам. Он не помнит почему попросил ее рассказать о себе, о том, кто ее родители, как познакомились, откуда родом и она стала рассказывать о своей семье, охотно, словно старясь угодить ему, и оказалось, что родословные у них во многом схожи. И у него, и у Н. мамы были учительницами, обе преподавали русский язык в средней школе. Отцы воевали, у Н. – танкистом, он не был профессиональным военным как у него, и после войны избрал штатское поприще. До недавнего ухода на пенсию возглавлял крупное фармацевтическое производство. Также как и у него в семье, более благородная, дворянская кровь, наблюдалась по материнской линии, отцы же происходили из крестьян. Девичья фамилия мамы – Добрина. А родители познакомились в Конуше, поселке Архангельской области, куда в тридцатые годы было отправлено в ссылку раскулаченное семейство деда – папиного отца, и в это же время там

оказались Добрины, приехавшие в Конуши в поисках работы. Родители тогда были еще детьми, вместе учились в тамошней школе, а поженились уже после войны...

Он слушал с интересом. Сейчас, вспоминая ту ночь, ему пришла в голову мысль, что ведь никого другого он не стал бы слушать, вздумай кто-нибудь так подробно рассказывать о своей семье, да и сам он никогда никого не стал бы спрашивать. Ни одну из своих сотрудниц он не мог представить на ее месте в этой роли, даже Ридовну. Это было бы настолько неестественным, неуместным, фальшивым... Это выпадало из его кодекса общения с коллегами на работе.

Она рассказывала, полусидя в постели, накрытая одеялом, так что была видна только курчавая голова и верх светлой-бежевой, шелковой блузки; на дежурствах она всегда спала не раздеваясь. Лампа на тумбочке освещала ее сбоку, и он, слушая ее рассказ и разглядывая ее, вот так присевшую в постели, наверное впервые отметил, что она на самом деле прелестна – лицо без всяких оттенков смазливости, прямой высокий лоб, очень ясный взгляд карих глаз и совершенно дивные, густые каштановые кудри. Раньше он считал, что ее несколько портит крупный нос и заметные скулы, но сейчас они казались ему очень естественными, придающими особенную изюминку ее лицу, сбросившему грубовато-ироничную, дневную маску и ставшему покоряюще женственным и юным от сентиментальных воспоминаний. В том, как она рассказывала ему о своей семье, он чувствовал какое-то ед-

ва уловимое, восторженное волнение и ему это нравилось. Он никогда не разделял мнения, что женская красота и ум несовместимы, наоборот, считал, что ум определяет все, в том числе и красоту, а он уже тогда понимал, что, как женщина, она умнее всех. «Ведь она - прелесть, – думал он. – Куда только мужики смотрят?» Но и сам он тогда не думал о ней, как о женщине, он любовался ею, но не желал, ему это и в голову не приходило. Он с удовольствием слушал ее и ему впервые за многие годы было уютно в этой комнате для ночного отдыха дежурных врачей, где стояли шесть коек, четыре из которых сейчас пустовали.

Через пару дней, снова придя утром на работу, они встретились в ординаторской приемного покоя. Переодевшись в халат с короткими рукавами, она стала причесываться перед зеркалом, он смотрел, смотрел на это и, встав за ее спиной, спросил

– Вы не соскучились без меня за прошедшее время?

– Нет, – она, конечно, не ожидала от него такого вопроса, и массажная щетка в ее руке забегала медленнее.

– А я соскучился.

– Да? Ну, тогда и я тоже, – не оборачиваясь, она смотрела на него через зеркало, стараясь внешне оставаться равнодушной и не придавать значения словам.

– Берегитесь, Штирлиц, маленькая ложь рождает большое недоверие, – топорно пошутил он. – Больных еще нет, так

что можно ставить чай.

– А что вы сегодня принесли? Чем порадуете девушек? – лукаво спросила она, облегченно возвращаясь к прежней манере общения.

– Не обижу. А лично для вас лимон. А чем будете угощать вы – традиционными сосисками из «Мариинки»?

Вошедшая в ординаторскую Ридовна, тут же включилась в обсуждение меню предстоящего чаепития...

... А вскоре его призвали на сборы офицеров запаса от военкомата, на две недели. Со сборов он вернулся отдохнувший и нахальный, и на правах огрубелого в казармах вояки, расположенного смотреть на вещи просто и без условностей, при встрече чмокнул ее, сидевшую за столом в ординаторской и заполнявшую историю болезни, в нежную полоску шеи ниже каштановых кудрей на затылке. Но в ответ ему досталась только улыбка.

С него потребовали отчета о проведенной в армии работе по выявлению потенциальных женихов среди офицеров запаса, но ничем порадовать он не мог – кандидатуры были пьющими, разведенными и выплачивающими алименты, а вообще ребята, что надо. «Ну, и как же вы не взяли адреса! Посылай вас... Где же их взять, неразведенных? Мужчины – это такая редкость» – посыпались на его голову упреки. Особенное восхищение у дам по его рассказам вызывал Валера Пузанов, у которого «братан над Оршей летает на «Бэкфайе-

ре». Ридовна забила его за собой, а Н. достался горький пьяница, толстяк по кличке «адмирал», работавший по снабжению...

Время шло, и безотчетно он все больше и больше привязывался к ней. В начале апреля он позвонил ей домой, чего никогда не делал раньше, не зная твердо, нужно ли ему это на самом деле. В последние дни он практически безвылазно сидел дома, печатая на машинке текст диссертации, и, конечно же, ему осточертело это занятие, и он решил, что хорошо бы сделать перерыв. Ему хотелось побыть с ней где-нибудь вне больницы, на улице, в кафе, все равно, но так просто признаться в этом ей он не рискнул и, не придумав ничего лучше, предложил пойти в Публичную библиотеку...

«Женщина вы семьей не обремененная, свободного времени полно и не пора ли вам наукой заняться – кровотечения из острых язв у инфарктных больных – чем ни тема? Покажу каталоги, картотеки, научу пользоваться Index Medicus, и, чтоб через месяц обзор литературы был готов». В трубке слышались оживленные голоса домашних или, может быть, гостей, кажется что-то подгорало на кухне, и с ней советовались, как поступить. Его кольнул этот шумовой фон квартиры, звучащий рядом с ее голосом, на мгновение он испытал что-то похожее на зависть или ревность к тем людям, что сейчас ее окружали. Она сказала, что у нее нет читательского билета, и они договорились встретятся завтра в фотоателье на Старо-Невском, чтоб сделать необходимую для билета

фотографию. Знакомый голос был, как всегда весел и энергичен, и вежлив для него, и все-таки ему показалось, что она вовсе не рада его звонку, что он навязывается и своим предложением только отвлекает ее от каких-то более интересных и важных дел, а отказать ему ей неудобно.

На следующий день, в условленное время, он сидел в подвальчике фотоателье в ожидании ее прихода, не понимая почему так волнуется.

Она немного опоздала, пришла заторможенная, скованная и минут пять им не о чем было говорить. (Потом, много позже, она признается, что полчаса сидела в кафетерии напротив, глотая тезепам). ...Но очень скоро они оба освоились в этом новом для них существовании, где пока еще ничего не было сказано, но где уже не было просто двух коллег по работе, а были мужчина и женщина. Она, наверное, поняла это раньше и лучше, чем он.

Он снял с нее пальто, и она, оставшись в стареньком, опрятно сохраненном, голубом свитере стала причесываться перед зеркалом, как тогда в ординаторской, но теперь, наблюдая за ней, он увидел, как гордо она это делает, словно отбрасывая страхи и сомнения. Он подошел к ней вплотную и, стоя за спиной, отряхнул с плеч...

– Перхоть?

– Побойтесь бога. Вы – и перхоть! Это же лунная пыль.

– Меня спасает только швейцарский шампунь. Ни наши, ни чешские, ни финские, а он еще год назад исчез из прода-

жи. Ну, ничего – кому не нравится, может не смотреть.

– Да вы кокетка, как я погляжу.

– Успокойтесь, я еще со школы усвоила, что кокетство мне противопоказано. У лошадей это получается тоньше, чем у меня, – и она показала, как «строит глазки». – Ну, как? Не по себе становится?

– Иди, тебя приглашают, твоя очередь.

Она прошла в соседнюю комнату, а ему, как капризному ребенку, сразу стало скучно без нее.

Через раскрытую дверь он видел, как она сидит в свете ярких ламп и изо всех сил старается сохранить серьезность перед объективом, в то время как ей хочется расхохотаться от руководящих указаний фотографа...

А потом они решили пойти в кино. Ближайшим кинотеатром на их пути на Невском был «Титан», где в тот день шли виденные-перевиденные «В джазе только девушки», но их это не остановило. Странно, но из того первого совместного посещения кино в памяти сохранилось только смазливое лицо девицы, сидевшей впереди и почему-то несколько раз обернувшейся. Даже не лицо, а только губы в лиловой помаде, и обведенные по кайме тонкой, но отчетливой черной линией.

Мужчине не дано почувствовать момент зачатия... Тот день был для него просто иначе окрашенным днем на привычном фоне личной жизни. Он просто удовлетворил свое желание пообщаться с женщиной, казавшейся ему интерес-

ней, чем другие, и он никак не связывал этот интерес с чем-то большим, что-то иное ему и в голову не могло прийти.

Но его пассивному неведению и нежеланию называть вещи своими именами вскоре был положен конец. В начале апреля у Татьяны был день рождения, накануне они дежурили, и сдав утром дежурство, сели в такси и поехали к ней на квартиру отметить это событие. Ридовна жила вместе с родителями на улице Чехова. Старый петербургский дом, с чухлым двориком, тесная, как в крепостных башнях, лестница, без лифта. Квартира на последнем, четвертом этаже, тоже носила следы некоторой затхлости, шедшей от захламленной прихожей, от когда-то дорогой, но состарившейся мебели, от ненужных вещей, разбросанных повсюду, от заставленного трехлитровыми банками с домашними соленьями, круглого кухонного стола, даже от рухнувшей стопки книг на крышке старого черного рояля.

По домам возвращались через станцию метро «Маяковская». На эскалаторе, он стоял обернувшись к ней, на одну ступеньку ниже, так что их лица оказались на одном уровне. Неожиданно она произнесла с какой-то грустной усмешкой, что влюблена в него.

– Думаю, что скоро и Ридовна признается вам в том же. – продолжила она, словно желая принизить значение сказанного.

Он решил никак не реагировать на ее признание и сделал вид, что воспринял ее слова, как шутку, которую пропустил

мимо ушей. Ничего серьезного это признание не означало, ни для него, ни для нее, это просто реплика решил он. Кажется, что и она сама была бы рада не развивать тему. От необходимости что-то сказать в ответ ему помогло то, что спуск на эскалаторе заканчивался и он был вынужден в этот момент отвернуться от Н.

4

А он-то... Мнил себя горстью пепла – «кто сгорел, того не подожжешь», а сам чуть не распался на куски от биения своего сердца в парадной старого дома на Петра Лаврова, куда они зашли, чтоб спрятаться от неожиданно налетевшего заряда мокрого снега. Они возвращались из «Родины», где смотрели «Большую прогулку»...

Зауток на первом этаже возле лестницы тускло освещался высоким окном, выходящим на улицу. Он стоял, прислонившись к стене рядом с пыльной батареей и внезапно сделавшись серьезным, привлек Н. вплотную к себе. Оба молчали. На ней было простенькое, длинное, синее нейлоновое пальто, просторное, утепленное искусственным мехом, и с капюшоном, которым она никогда не пользовалась. Расстегнув пуговицы, его руки, раздвинув полы, проникли под пальто и сомкнулись на ее спине, ощутив через свитер дрогнувшую неприкосновенность ее тела.

– Что же вы такое делаете? – притворяясь изумленной, на-

смешливо укоряла она, словно пытаюсь сохранить прежнее состояние их отношений и отрезвить его.

Сверху вниз он смотрел на запрокинутое лицо, внимательное и неожиданно спокойное. Бережно, словно прося прощение за что-то, он стал целовать ее лицо, волосы, глаза... Впервые. Она покорно позволяла ему это, не пытаюсь освободиться, молчала и в ответ только водила пальцем по его губам, несколько раз почему-то механически, по слогам произнося его фамилию, не сводя с него глаз, не пытавшихся что-либо понять или предотвратить. Почти мертвый он целовал теплую руку, касавшуюся его губ, и ему было так хорошо от этого, как бывает после долгого блуждания по лесу под дождем, когда возвращаешься в натопленный дом, переодеваешься в сухое и, засыпая, перед глазами все стоит мокрый лес. Или что-нибудь в этом роде, когда то, от чего ты устал, уже кончилось.

Он поцеловал ее в губы. Она совсем не умела целоваться. Совсем.

– Не молчи, – тихо попросил он. – И хватит издевательски-пренебрежительно водить по моей физиономии пальцем. К покаянию меня это не подтолкнет. Тебе ... противно все это? – он имел в виду то, что женат.

«Прикажи, и мои руки разожмутся. Потому что больше всего на свете я боюсь причинить тебе зло. Какие у неё волосы... густые, как джунгли, и пахнут ручьем. Какие прекрасные, умные глаза... Ни у кого таких нет. Не какие то там

«очи черные, очи страстные...». Мир слишком жалкая пища для этих глаз, они видели что-то большее».

Без всякого сопротивления она покоилась в его объятии, безвольно повиснув у него на руках, и он сам поразился своей нежности.

– «Не молчи, солдат, скажи что-нибудь», – процитировал он, спасаясь от этой нежности.

– Меня сейчас разобьет паралич, и вы, облегченно вздохнув, перешагнете через меня и ринетесь домой, – тесно прижатая к нему она тепло шевельнулась внутри пальто, оставаясь в прежней близости, сложив скрещенные руки на его груди.

– Помнишь, ты рассказывала, как тебя в институтские годы провожал молодой человек, и в парадной собрался тебя поцеловать, и в этот момент у тебя кровь пошла из носа?

– Да, и я залила ему новый костюм... Хорошенькую гейшу вы себе нашли, нечего сказать.

– Чудную. Это раньше, до сегодняшнего дня, вы были гейшей.

– А теперь я кто – гетера?

– Вы очень красивы сейчас.

– Все вы врете.

– Провалиться мне на том месте. Вам никто не говорил, что у вас такие же точеные глазницы, как у американских индейцев?

– Ну... каждой женщине охота быть похожей на Гойко

Митича, – она нарочито грубо шмыгнула носом – «по-девичьи», как любила говорить, посмеиваясь над собой. – Это большая честь.

– Я не виноват, но у вас такой же лоб, надбровья...
«Чего несую?».

Кто-то зашел в парадную и, пройдя мимо них, растворился на лестнице, не оставив никакого следа.

Пока они были в парадной, погода переменилась и когда они вышли на улицу, ветер уже стих, но повалил сухой, крупный снег и откуда-то взялось на небе ярчайшее солнце, и ничего нельзя было разглядеть в двух шагах из-за мелькавших хлопьев и слепящего света. Словно боясь потерять Н., шедшую рядом, он взял ее за руку.

– Неизвестно, чем все это кончится, – сказал он, прощаясь на автобусной остановке.

А потом были очередные «сутки»... Теперь совместные дежурства превратились в своеобразные долгие свидания с гарантированным продолжением на следующий день. Долгие... да еще с продолжением... да они мелькали, как...!

Им надо было делать вид, что из больницы они уходят порознь, и чтоб иметь возможность улизнуть от ничего не подозревавшей Ридовны, был разработан шифр. Если утром, перед уходом, сидя в ординаторской, он напевал «Подмосковные вечера», это означало, что он будет ждать ее на Беринга, если «Стою на полустаночке...» – на Невском у Го-

стиного; «Трещит земля, как пустой орех...» – сегодня они не смогут встретиться, но такого ни разу не случилось.

.... Их следующий день тоже выдался пасмурным, но гораздо теплее, вместо снега накрапывал дождь, и оба они были одеты по-другому. На ней был серый финский плащ, а на нем серое вельветовое пальто с кушаком – как специальные маскхалаты для дождливой питерской погоды. Ему нужно было постричься, к тому же это неплохое алиби – «такие очереди в парикмахерских, целый день просидел...» – оправдался бы он перед Леной за свое отсутствие дома, а на самом деле салон мужских причесок на Литейном в тот день был пуст. Пока его стригли, он думал о ней, рассеяно глядя в зеркало на свою, уже начинающую терять волосы, голову, торчащую из повязанной простыни яйцом, по которому вот-вот треснут ложечкой и приступят к завтраку. Мм-да... как же ты постарел, как быстро все летит! Давно ли на таком же кресле сидел долговязый, стеснительный мальчик, на чьи золотистые кудри созывали смотреть мастеров со всего зала и пытали не краситься ли он, не снимается ли в кино, а какая-нибудь резвая молодка, по-матерински потрепав его вихры, скажет: «Давай меняться. Зачем тебе такие...». Зачем...? Сейчас бы пригодились, ведь там, за дверью тебя поджидает самая ироничная, самая обворожительная из женщин, к тому же на целых восемь лет моложе тебя, и ты – кретин, что пошел стричься в ее присутствии, сейчас тебя оболванят, и вовсе не факт, что ей понравится твоя

остриженная башка? Ну, а чем ты можешь завлечь девушку? Не наградил тебя господь ни шибким умом, ни мужеством, ни силой, ни большой зарплатой... Интересно, сколько может продержаться человек, неподвижно сидя перед зеркалом, чтоб не сойти с ума? Шевелись, шевелись, девонька – я уже соскучился без нее, и времени у нас кот наплакал. Между прочим, мы с тобой коллеги, ведь хирурги свой род ведут от брадобреев, так что постарайся побыстрее, пожалуйста.

– Боб Синклер! Ну, вылитый Боб Синклер! – демонстративно отступив на шаг, чтоб лучше рассмотреть его новый облик, восхитилась она, когда они вышли на улицу. – Теперь вы, конечно, меня бросите.

– Ладно, ладно... Ничего, придет когда-нибудь и ваш черед стричься, – он торопливо размазал дождевые капли по волосам, чтоб вернуть себе человеческий облик. – Вы хотите есть?

– Ужасно. Кстати, вот напротив ресторан «Волхов».

– В упор не вижу, – угрюмо буркнул он, вспомнив о содержимом своего кошелька. – И хватит издеваться надо мной... Да и что может быть лучше пирожковой?

Переходя Литейный, он взял ее под руку.

– Это же не конспиративно, – зашипела она. – Нас могут случайно увидеть сотрудники или ваши многочисленные родственники, разбросанные по всему городу.

– А мы ничего плохого не делаем. Вы попросили своего товарища по работе отвести вас на консультацию к нарко-

логу. Что в этом предосудительного? В одиночку трудно решиться на такой шаг.

– Миленькая легенда, и относительно меня просто безупречная.

Они перекусили в кулинарии «Волхова», взяв по горшочку солянки и макарон, и ели стоя. В тесный каземат кафе набился народ, от толчеи и горячей пищи стало жарко, и она расстегнула плащ. Бледное после дежурства лицо покраснелось, взмокло, и он увидел, как это ей идет.

– Никогда не была здесь.

– Я тоже. Признайтесь, вам не по душе такая грубая, простая пища? Завтрак докеров и каменотесов.

– Очень вкусно, только мне все не съесть.

– Не знаю, не знаю... деньги плочены немалые. Я, знаете ли, не приучен трудовой копеейкой швыряться.

– Так вы это... на билетах в кино сэкономите, дневной сеанс не вечерний – двадцать пять копеек.

– Так-то оно так, а вдруг фильм двухсерийный?

– Зачем же предполагать худшее?

Счастье блуждало по их лицам, нашептывая очевидное: «Вам всегда будет хорошо вдвоем, всегда и везде».

– Вы помните «пышечную» на Льва Толстого, рядом с институтом?

– Еще бы... Это было нашим любимым местом, мы с девочками постоянно ее посещали.

– Представляю, как вы стоите в очереди и, глотая слюн-

ки, любуетесь процессом приготовления – аппарат выдавливает из себя толстые кольца блеклого, белого теста, и заготовки начинают медленно-медленно проплывать по кругу в кипящем, шипящем масле. Темп их продвижения настолько медлителен, что вызывает всеобщее раздражение. Продолжая испытывать ваше терпение, тесто становится все темнее и темнее и, наконец, готовая, темно-желтая пышка выкачивается на поднос. Завораживающая метаморфоза. Сверху пышка посыпана сахарной пудрой, в которой неизбежно испачкается ваше лицо при поедании. Жирными масляными пальцами – тонкие дешевые бумажные салфетки мгновенно пропитываются маслом и не спасают – вы сжимаете стакан «бочкового» кофе с молоком...

– Прекрасно. А, кроме пышек, я еще люблю жареные пирожки с мясом.

– Замётано. В следующий раз пойдем в «Колобок», тут неподалеку на Чайковской. Чего ты смеешься?

– Так... Тоже кое-что вообразила... Главврача вспомнила. Сегодня на отчете она вдруг стала сетовать, что на территории больницы много кошек развелось. Я представила, что теперь, сдавая дежурство, мы обязаны будем предъявлять изловленных за сутки кошек, вроде матросов на корабле, что за крыс получают отпуск. И как вы входите в кабинет и вместе с кипой историй болезни гордо вбрасываете ей на стол жирного, рыжего, пушистого кота, а сзади виновато плетем-ся мы с Ридовной, волоча за собой по полу за хвосты жал-

ких, ободранных кошек, не идущих ни в какое сравнение с вашей добычей.

– Хохотушка ты.

– Это у меня гипоксия мозга после суток.

А после кулинарии они направились к «Родине», где вторым экраном шел «Жестокий романс». Две серии... и он, не выпуская ее руки из своей, жалел, что не двадцать. Он смотрел на ее профиль в отраженном свете экрана, стараясь запомнить ее лицо таким, каким оно было сейчас при этом освещении и думал, какой постоянно счастливой могла бы быть его жизнь рядом с ней. Сам себя счастливым не сделаешь, счастье всегда кто-то дарит, оттого и ищут, и всю жизнь ждут, и сохнут в разлуке, и не могут жить без этого человека. Он хотел запомнить свое подбострастное счастье в этот час, запомнить навсегда, потому что такие пустяки, как прикосновение, взгляд и делают жизнь жизнью и, если уметь воспроизводить это в памяти, то этим можно прожить какое-то время.

С раскисшим сердцем следя за тем, что происходило на экране, он чувствовал, что остро завидует Михалкову, блистательно исполнявшему роль Паратова, и неизбежно ревнует. Увы... надо признаться, что сам-то он скорее Карандышев, и это в его физиономию летят брызги от яблока, разбитого ударом волосатого кулака настоящего мужчины. И сам он никогда не будет владельцем пароходов, золотых приис-

ков, банков... никогда не станет сильным мира сего, никогда не подарит Н. бриллиантовое кольцо. Что, вообще, он может ей дать? – Ничего. А, как хотелось бы...

В те дни кино действительно стало для них «важнейшим из искусств». Кинотеатр был единственно удобным местом, где они могли уединиться, укрыться в темноте от посторонних глаз. Он помнит каждый просмотренный вместе фильм. Странно, но именно в то время на экраны выходили необыкновенно талантливые, интересные фильмы, как по заказу. Ну, например, «Бал»...

Он ждал ее на Невском, возле «Художественного». Жаркий весенний полдень. Мимо него магмой текла по тротуару людская толпа, извергаемая метро. Казалось бы – ну как не затеряться в таком многолюдье, он запросто может прозевать ее, но глаза настойчиво и собранно фиксировали сотни лиц, мгновенно освобождаясь от ненужных следов на сетчатке – нет, нет, не то, ждите, нет, нет... стоп! Господи, как же она хороша сегодня! Как ей идет этот светлый пиджак, в котором он никогда не видел ее раньше, совершенно новый для нее стиль. Как ей идет солнце, весеннее тепло! И как все безукоризненно – прическа, косметика, ресницы, губы... как с обложки глянцевого журнала. И, видимое только ему, смущение своим великолепием. А толпа обтекала ее, не задевая, не прикасаясь, несла ее, но она сама не принадлежала этой реке. – Что? Что-нибудь не так? Где? Тут? Могли бы и не заме-

тить, маленький прыщ не сделает из красавицы уродину.

– А не надо выдавливать то, что ниспослана природой. Лицо пусть себе и лежит тихо.

«Зацеловать до смерти и все дела»

– Ели бы я вчера не поработала над этим, – ткнула себя в щеку, – вы бы сейчас старательно делали вид, что со мной незнакомы.

– Откуда на вас такая роскошная вещь? Сюда так и просится «Орден Трудового Красного Знамени» на лацкан; как у знатных ткачих тридцатых годов.

– Франция.

– Ой? Так я и поверил.

– Могу этикетку показать. Нет, мне это нравится... – возмутилась она. – Все-таки правда, что мы, женщины, одеваемся только для себя, друг для друга, а мужчинам все равно, что ни одень.

– Сейчас мы опоздаем на журнал.

И погас свет, и снова чудо кино было необъяснимо созвучно с чудом их совместного существования в полумраке кинозала. Этторе Скола сотворил гениальный фильм. Такое, конечно, мог сделать только западный человек, с чисто европейской ментальностью. Невозможно представить, чтоб так рассказать о любви, о стране, мог бы русский режиссер, каким бы великим он ни был. Иная культура, никуда не денешься.

Хотя все персонажи вполне узнаваемы. Холодная, красивая брюнетка в строгом черном костюме, волосы острижены в четкое каре – вылитая Регина. Пожилая худощавая дама, малопривлекательной внешности с уродливым пучком волос на затылке напоминала одну из подруг его жены, с которой Лена вместе работала на Севере после института. Но больше всего в глаза бросалась миловидная, радостная женщина, полная, невысокого роста, в простой, белой блузке с цветочками, в черной юбке годе и немыслимой шляпке, приколотой к вьющимся стриженным волосам. Партнер был выше ее, и она, положив руку ему на плечо, так узнаваемо смотрела на него снизу вверх, таким благодарным, обожающим взглядом, суетливо стараясь не спугнуть неловким движением мужскую благосклонность.

– Смешная... Как божья коровка. На меня похожа.

– Действительно похожа, – признался он. – Особенно в профиль.

– Я ее понимаю, за всю мою жизнь меня ни разу не пригласили танцевать. Ни на одной вечеринке.

В первые дни после освобождения Парижа от немцев, партнер появляется в танцевальном зале на костылях. Он герой сопротивления, в черном берете маки, правая нога ампутирована. Его счастливая женщина выбегает к нему навстречу. Они начинают танцевать, окруженные старыми знакомыми, посетителями заведения. Он подпрыгивает на одной ноге, уверенно попадая в ритм танца... И опять этот ее

взгляд...

Ни он, ни Н. тогда не придали значения, что из всех персонажей фильма несчастье произошло именно с этой парой.

5.

А потом погода испортилась... Позаимствуем эту фразу, тем более, что в ней нет ничего явно авторского. Кто угодно мог так сказать. Иначе все пришлось бы брать в кавычки, а ведь никто не берет. Никак не доказуемый плагиат...

Итак, на четвертый день их приезда погода испортилась. Задул не просто холодный – ледяной северный ветер, заставлявший вспомнить описание норд-оста Паустовским, небо обложили тучи, постоянно лил дождь, море остыло до семнадцати градусов и сулило стать еще холоднее.

Резкое похолодание совпало с окончанием сезона. Отъезд организованных отдыхающих проходил четко и напоминал спешную эвакуацию из опасной зоны. Несколько «Икарусов» за одно утро вывезли оба корпуса пансионата, в котором теперь оставался только обслуживающий персонал, занятый консервацией здания на зимний период. А они остались жить-поживать совершенно одни на втором этаже опустевшего корпуса. Питаться, как и прежде, ходили в «Ивушку», где сезон заканчивался на две недели позже.

Заметно обезлюдел и пляж. Те, кто остались ждать у моря погоды, ловили моменты, когда разгоняло тучи, и пытались

загорать, прячась от ветра за поставленными на ребро лежаками с накинутыми сверху одеялами. По пляжу передвигались, тоже завернувшись в одеяла, как индейцы в пончо. Купаться никто не стремился, разве что на минуту-другую окунались в бодрящую воду, чтоб как-то оправдать свое отпускное пребывание на море.

Зато теперь представилась возможность возобновить свои оздоровительные пробежки, к которым он привык дома, ежедневно бегая в Сосновке. Можно было бегать по кромке пляжа вдоль моря, никого не стесняясь и никому не мешая. Ему хватало сил преодолеть пару километров до обрывистого плато, где, как он считал, заканчивался пляж, но однажды, решив прогуляться дальше, как на оазис, наткнулся на заброшенный пансионат ранней советской постройки в окружении неожиданной для степи флоры субтропиков – мощные кипарисы, магнолии, самшитовый кустарник... В море вдавались волнорезы, а для укрепления берега у воды были навалены бетонные рогатки, похожие на лежбище сивучей. Наверх к пансионату вела белокаменная лестница с лепными, гипсовыми вазами на перилах, конец ее терялся в темной зелени кипарисов. Старые трещины ступеней поросли мхом и травой. Повсюду по мокрым плитам лестницы ползали черные улитки. Их было так много, будто каменная лестница служила столицей улиточного царства.

Накрапывал дождь. Поднявшись по лестнице, он вышел

к белому зданию с колоннами у парадного крыльца, (скорее это была какая-нибудь заброшенная государственная дача, а не пансионат), почти целиком спрятанному от взора с моря благодаря уступообразному рельефу склона и густой зелени вокруг. Местность оказалась безлюдной, ни души не встретил он, пока бродил по дорожкам вокруг да около. «Сюда надо привести Дашу. Это тайное существование пустующего замка, как сказка о спящей царевне, уколотившейся о веретено». Обойдя здание кругом, он увидел еще одну лестницу, стальную, ведущую к смотровой площадке на краю плато.

Здесь, наверху, расстилалась бескрайняя, ничем не загроможденная степь, вблизи возделанная под кукурузное поле. Высоковольтная линия электропередач и водонапорная башня одинаково затеряно смотрелись на ее просторе. А море с высоты предстало по-настоящему огромным и непривычно разноцветным. Здесь – серое под дождем, а по правую руку вдали, где Одесса – солнце, и морская изумрудная гладь, а ближе к горизонту темная яростная, почти чернильная, синева штормовых волн.

Он подошел к самому краю обрыва и, глянув вниз, испытал легкое головокружение. Он боялся высоты, как и она...

Они гуляли в ЦПКиО и набрали на аттракционы, и он уговорил ее прокатиться на Чертовом колесе. В эту весну они все делали, очертя голову, безотчетно, словно заново открывали для себя мир. Да так оно и было на самом деле – для

них двоих все было в первый раз, и прежний их опыт существования в мире, каждого по отдельности, оказался мелким, несовершенным и не мог быть востребованным.

Очереди в кассу не было никакой, их услужливо усадили в железную, ненадежную люльку, огороженную по бокам только цепью. При посадке колесо, не останавливаясь, медленно продолжало двигаться. Постепенно, точнее – поэтапно, они поднимались все выше и выше, и не успели опомниться, как люлька, в которой они сидели напротив друг друга, оказалась на страшной высоте, высоко-высоко над деревьями и крошечными человечками внизу, и в этот момент он увидел, как она вся напряглась от нахлынувшего испуга, но продолжала смеяться, отчаянно пытаясь выглядеть бесшабашно радостной. Он видел ее, даже не женскую, а скорее детскую беззащитность перед своим страхом. Она призналась, что ей ужасно страшно. Как назло, колесо еще больше замедлило свое вращение, и открытая люлька, покачиваясь, застыла на самой верхотуре.

«Смотри только на меня, только на меня, – приказал он ей, и мысленно обругал себя, вспомнив ее недавний обморок в операционной и испугался, что вдруг она и сейчас потеряет сознание. Своими заклинаниями он также спасался и от собственного страха – не мигая глядя перед собой, на всю жизнь запоминая ее, сидящую посреди неба, в сером плаще с поднятым воротником. – Вот так, только на меня. У тебя такие красивые глаза. Такие красивые брови. Да, да. И

такой красивый лоб и волосы» – гипнотизировал он, заклиная колесо вертеться быстрее. И только когда они миновали пик и стали спускаться, страх внезапно исчез, исчез совсем, и осмелев, она даже обернулась посмотреть, не виден ли отсюда ее дом на берегу Финского залива.

Хороший был день, солнечный, теплый, и только начинался. Очутившись снова на земле и посмеявшись над пережитым стрессом, они независимо друг от друга пришли к выводу что проголодались. Пожалуй впервые натюрморт с небрежной со стола грязной посудой и стаканами, в кафе, куда они тут же зашли, не раздражал, а казался уютным и живописным. Занятые друг другом, они легко мирились с окружающей действительностью, и чем проще она была, тем лучше. Ангелы – не снобы, и им тошно на небесах, как выяснилось.

Чахохбили были единственным блюдом в меню.

– Похоже на последствия куриной атомной войны, – сказал он, разглядывая на тарелке месиво из перемолотых косточек с обрывками кожи и мяса. – А. как вам на вкус? Вы должны хорошо разбираться в грузинской кухне.

Он намекал на ее приятельские отношения во время учебы в институте с однокурсником из Тбилиси, которого звали Мамука. С ее слов, это был не обремененный интеллектом, но симпатичный неглупый парень, с природным юмором и иронией, хорошо разбирающийся в людях, всегда готовый по-мужски защитить ее. Она шефствовала над ним, готовила

к сессии, подсказывала на экзаменах... Мамука же, вообще, считал ее светочем знаний и восхищался ее остроумием. Никаких знаков любви с его стороны не наблюдалось, оба они довольствовались только дружбой, в которую, как известно, мало кто верит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.